

ВОЗВРАЩЕНИЕ, ИЛИ ПОЛНЫЙ ВЛАДИМОВ

В сегодняшнем чтении преобладает литературная точка зрения

Независимая газета, 1998-2 июля, с. 10

Николай Александров

Георгий Владимов
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

3

Георгий Владимов. Собрание сочинений в 4-х тт. — М.: NFO, 1998.

НАКАНУНЕ презентации собрания сочинений Владимова один из моих знакомых коллег-журналистов, человек отнюдь не темный и далеко не невежественный, спросил меня: «Что еще он написал, кроме «Генерала и его армии»? Боюсь, что вопрос этот не случайный, а симптоматичный и что в сознании большинства читателей, которым имя Владимова что-то говорит, он существует как автор получившего в 1995 году Букеровскую премию «Генерала и его армии» и напечатанного на заре перестройки «Верного Руслана».

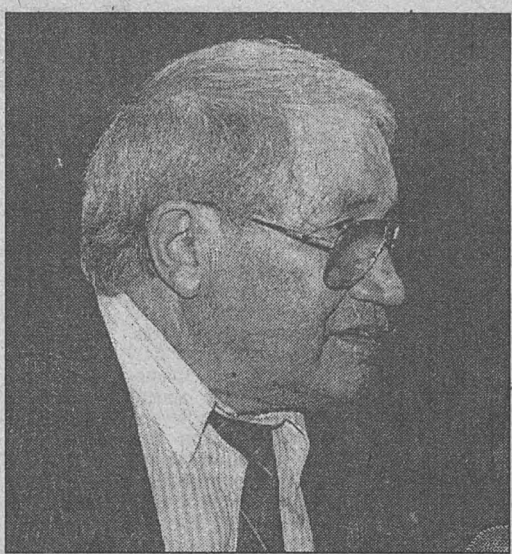
Уже 70-е годы стали предметом исторической рефлексии (последнее тому свидетельство — выпуск альманаха «Россия / Russia» «Семидесятые как предмет истории русской культуры». См. «ЕЛ-НГ», № 23), уже Парфенов обозначил границы «нашей» завершившейся эпохи — 1961–1991 гг., так что перипетии и сама суть полемики вокруг владимовских произведений «Большая руда» и «Три минуты молчания» основательно забыты и выглядят исторической экзотикой. Ныне читателю нужно объяснять социальный и идеологический смысл этих текстов, их актуальное звучание в то время. (Кстати, для того чтобы представить себе эту социально-идеологическую сторону писателя Г.Н. Владимова, лучше прочесть 4-й том его собрания сочинений, в котором собраны критические статьи и публицистические выступления). Думаю, что у многих вызовут удивление слова, написанные Владимовым в послесловии к «Большой руде» издания

Выход полного собрания сочинений Георгия Владимова вполне можно было бы уподобить «возвращению» писателя в Россию, тем более что и сам Георгий Николаевич на пресс-конференции в Малом Манеже перед презентацией своего четырехтомника еще раз подтвердил свое намерение вернуться на родину. Едва ли не единственное препятствие этому, по словам писателя, — отсутствие квартиры в Москве. Издатели собрания сочинений — рекламная группа NFO — даже пригрозили купить квартиру за свои деньги, если государство не одумается. Однако дело даже не в «физическом» возвращении Владимова — в конце концов торжественным прибытием, въездом в Россию Солженицына тема эта давно закрыта, поставлена даже не точка, а жирный восклицательный знак. Дело в другом. В возвращении полного корпуса владимовских текстов. И это факт совершенно иного рода, который можно воспринимать как «реставрацию», «восстановление» Владимова, припоминание его ранней, доэмигрантской прозы.

1984 года: «Что мне исключительно повезло, казалось даже такому зрелому, оригинальному мастеру, как Василий Шукшин, который своим друзьям говаривал с досадой, что это он должен был написать «Большую руду»... мысль об упущенной им находке беспокоила Шукшина, по-видимому, до самой смерти. Своей лебединой песнью, «Калиной красной», он откровенно соперничает с «Большой рудой» — нарочито сближая фамилии: Пронякин — Прюкунин, назначая герою ту же профессию шофера... пронякинские. путеводительные ориентиры — яблоньки — преобразились в березки, ориентиры символически жизненные...»

Наверное, по подсказке допустимо таким образом сравнивать «Большую руду» и «Калину красную», но все-таки это частности. Владимовская повесть сегодня прочитывается другими глазами и может осознаться даже вне формулы Льва Аннинского, приводимой писателем в том же послесловии: «Человек, осознавший себя личностью, либо ломается, либо ломает себе шею». Историю шофера Виктора Пронякина, который настойчиво устраивался на Курскую Магнитку, ездил на воскрешенном, с любовью им самим восстановленном «мазике», честно пытался «выработать норму» и сорвался вместе с самосвалом с обрыва, можно воспринимать как историю странной и гибельной любви человека к машине. «Для меня машина — тот же человек, только железный и говорить не может», — признается главный герой, а перед смертью спрашивает, что будет с его «МАЗом-200» (пойдет в переплавку, отвечают ему).

«Вся фактурная реальность описана у Владимова с фирменной, ревнивой точностью», — пишет в предисловии к четырехтомнику «пер-

Георгий Владимов.

сональный критик» Владимова Лев Аннинский. Предисловие, к слову сказать, скорее заслуживает быть послесловием. Аннинский выступает как «специалист» по Владимову, как человек много о нем думавший и писавший, а теперь вновь перечитавший его прозу. Текст предисловия и расчитан на тех, кто Владимова читал и теперь перечитывает, кому не нужно пересказывать сюжет, кого не обязательно «вводить» в контекст, а достаточно лишь бегло напомнить детали. Между прочим, и сам Аннинский несколько иным видит сегодня Владимова и по-другому говорит о нем. От 60-х остаются только стиль, манера критического изложения, акценты же расставляются иные. Но, как бы то ни было, в процитированной фразе отмечена действительно важная черта поэтики Владимова. Вещи, люди и механиз-

мы, быт и ремесло шоферов, рыбаков, материя существования изображаются писателем с удивительной дотошностью и педантизмом. И может быть, именно эта сразу же бросающаяся в глаза особенность его «ранней» прозы составляет главную ее притягательность сегодня. Нельзя игнорировать, не принять во внимание «социально-политический» аспект «Верного Руслана» и «Генерала и его армии», но понять, почему роман «Три минуты молчания» вызвал такую бурю в критике 60-х сразу после опубликования в «Новом мире», понять, за что поносили и какую крамолу усмотрели в романе о море, рыбаках и бичах, в довольно простой, увлекательной истории, рассказанной от имени главного героя языком живым и ярким, — теперь трудно. «Фактурность» и выразительность романа подавляет «социальные» смыслы (ныне благополучно забытые). Текст оказывается открыт для толкований самого разного рода, в том числе и тех — весьма неожиданных, прямо скажем, — что предлагает автор: «Старательно расписывая такелаж и соленые брызги, я ни сном ни духом не подозревал, что создаю аллегорию. Аллегию об... эмиграции. То, что наш многопопущенный бриг — СССР — поврежден гибельно и хорошо протекает, это признавали многие, разница же была в том,

что все, кто населял его палубы, каюты и кубрики, разделились, как это и бывает при кораблекрушении, на «корабельщиков» и «шлюпочников». Первые считают, что надо оставаться на судне и бороться за его плаучесть, вторые — что надо его покинуть и отплыть подальше от затягивающей воронки» («Послесловие автора к первому полному изданию в России»).

И все же думается, что «такелаж и соленые брызги», романтика моря и запоминающиеся, живописные герои явно берут верх над аллегоризмом. «С чисто литературной точки зрения, лучшие страницы романа — описание шторма; я, во всяком случае, не знаю в современной прозе более впечатляющей картины того, что происходит на судне и в душах моряков, когда разбитый корабль вот-вот станет тонуть», — пишет Аннинский, и абсолютно справедливо, на мой взгляд. Столь же справедливо упоминание «Трех минут молчания» в ряду с «Моби Диком», «Водителями фрегатов» и «Алыми парусами». «Чисто литературная точка зрения» и преобладает при сегодняшнем чтении Владимова. «Социальная психология», интеллигентские споры героев-шестидесятников, «подводные течения» динамичного «морского» романа и прочая нагрузка к собственно литературе спокойно пропускается, пролистывается и уж точно не задерживает внимания. Роман этим отнюдь не обедняется. Напротив. То, что владимовский текст может читаться и без «груза советскости», что балласт этот может быть сброшен — показатель и знак качества. Это значит, что текст не исчерпывается актуальной, сиюминутной интерпретацией, что он «живее» своего времени или, по крайней мере, не столь зависим от него.

Четырехтомник Георгия Николаевича Владимова — литературный факт нашего времени, точнее, сегодняшнего дня. Владимов возвращается в Россию новым писателем или, так скажем, писателем по преимуществу. Собрание сочинений дает повод для исторической рефлексии, вспоминания ушедшей эпохи (эпох), но также (если не прежде всего) для оценки литературного дара автора. Собрание сочинений писателя выходит во время иного чтения (и перечитывания), и, вероятно, новый роман Владимова «Долг путь до Типперэри» (или 5-й том собрания сочинений?) будет восприниматься в контексте нескольких изменившегося представления о писателе.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Георгий Николаевич Владимов родился 19 февраля 1931 г. в Харькове, в семье учителей. Отец в 1941-м был унган в Германию, погиб в концлагере. Мать в 1952-м была арестована по статье 58.10 («антисоветская агитация и пропаганда»), из лагеря вышла инвалидом.

В 1948-м Владимов окончил Ленинградское суворовское военное училище, в 1953 г. — юридический факультет Ленинградского университета. Работал литсотрудником сельской районной газеты, редактором отдела прозы в журнале «Новый мир» при Симонове и Твардовском, в отделе критики «Литературной газеты».

Печатается как публицист с 1954-го, как прозаик — с 1960-го. В «Новом мире» в 1961 г. появилась повесть «Большая руда», в 1964-м — роман «Три минуты молчания». По сценариям «Большая руда» и «Туннель» поставлены фильмы. Повесть «Верный Руслан», рассказ «Не обращайтесь внимания, маэстро» впервые опубликованы на Западе.

В 1977-м Владимов вышел из Союза писателей СССР в знак протеста против исключения его коллег (В.Войновича, Л.Копелева, В.Корнилова, Л.Чуковской). Участвовал в правозащитном движении, в течение шести лет был председателем московской группы «Международная амнистия».

В мае 1983-го выехал в Германию на год для чтения лекций о советской литературе в Кёльнском университете. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 июля 1983 г. был лишен советского гражданства. Конспиративная квартира конфискована.

В 1984–1986 гг. редактировал журнал «Грани», вынужден был оставить пост главного редактора из-за конфликта с НТС («Народно-трудовой союз российских солидаристов»). Выступал как критик и публицист, работал над романом «Генерал и его армия», в 1985-м удостоен премии Букера. Живет в Германии.